

Елена Владимировна

Зеркало

— ВЫ СНЯЛИСЬ во множестве фильмов, но всегда говорили, что без театра жизнь для вас немислима. Теперь в Театре Маяковского вы уже не играете. Остался Театр Антона Чехова?

— Нет. Оттуда я тоже ушла. Теперь я не играю ни в каком театре.

— Почему?

— С режиссером Леонидом Трушкиным мы не сошлись во взглядах на профессию, в оценке труда артиста. Я, конечно, не считаю, что режиссер должен все время давать какой-то актрисе главные роли, занимать ее в своих спектаклях, но учитывать, что в его труппе есть тот или иной актер, и как-то обременять себя этим он, по-моему, должен. Трушкин очень легко расстается с актерами. Пока это не касалось меня, я понимала, что это чудовищная несправедливость по отношению к другим. Я сыграла в двух его спектаклях. Видимо, этим он исчерпал меня для себя.

— Но Театр Антона Чехова — театр антрепризы. Это предполагает, что люди собираются на один спектакль, а потом — могут и разойтись.

— Могут, конечно. Но это не значит, что они просто оказываются выброшенными, никому не нужными. Про них забывается, как будто их никогда и не было. Трушкин сам был актером. Мы вместе работали в Театре Маяковского, но сейчас он начисто забыл, что это такое. Когда он начинал свой театр, мы шли за ним, не зная, получится ли у него что-либо или нет, мы верили в него. Надо отдать должное — мы работали с полным взаимопониманием. Жаль, что это загублено на корню, срублено, как вишневый сад.

отношения. Он самый светлый режиссер в моей жизни. Для меня и моей семьи он сделал очень много добра. Я ему очень благодарна за все. Когда, уйдя из Театра сатиры, я позвонила ему и сказала, что готова прийти в его театр, но вместе с мужем, он мгновенно согласился.

— Вы пришли на какие-то определенные роли?

— Мне обещано было такое богатство, что можно было рехнуться от счастья.

— Что-то из этого состоялось?

— Ничего. Но я этих обещаний всерьез и не воспринимала.

— Из-за чего же вас все-таки уволили?

— Я поехала в Санкт-Петербург на гастроли со спектаклем «Там же, тогда же», заранее предупредив об этом администрацию. Вот из-за этого меня и уволили. Конечно, если бы я обратилась к Гончарову, наверное, все бы уладилось, но я этого делать не стала. В первый раз в жизни я не позволила себя топтать. Вообще-то я благодарна за то, что меня уволили. В этом театре, кроме спек-

было бы, если бы я продолжала работать в театре, ненавидела бы все это, и прежде всего ненавидела бы за это себя.

— Вы фаталистка?

— Я очень верю в судьбу. Но не могу целиком положиться на нее. Когда я сама прилагаю какие-то усилия, Всевышний мне помогает. Я знаю, что у меня все еще будет.

— В кино вы сейчас снимаетесь?

— Еще прошлой осенью начала сниматься у одного финского режиссера. Картина называется «Райские дети», я играю там главную роль. Моя героиня — женщина из простой семьи становится крупным бизнесменом. Ее мечта — построить на Балтике райский уголок. Ей приходится испытать много трудностей, даже предательство близких, но все кончается хорошо.

— Как этот режиссер нашел вас?

— Он считает, что этот фильм — комедия, а у них в Финляндии, видимо, нет артисток, обладающих чувством юмора. Он приехал в Москву. На «Мосфильме» ему показали картотеку, и он выбрал почему-то меня, хотя там какая-то ужасная фотография столетней давности, где я запечатлена в спортивной шапочке. В картине я говорю по-фински — ужасно, конечно, и меня будет переозвучивать финская актриса, а потом-я буду озвучивать себя на русский. Работа очень тяжелая. Но это сейчас единственное, что у меня есть. И потом, я убедилась, что для меня ничего невозможного нет. Финский язык очень сложный, а я говорю огромные монологи, причем снимают все время крупным планом. Поначалу у меня была просто истерика. Представляете — живу в центре благополучной страны; могу что угодно есть, что угодно пить, купить что угодно себе и своим детям, а я сижу и плачу, потому что никак не могу выучить текст на финском. Чувствую себя крепостной актрисой. Но я счастлива, что хоть это у меня есть. У других нет совсем ничего.

Татьяна Васильева одна.

Независимая газ. — 1994. — 21 июля. — С. 7.

БОЛЬШАЯ АКТРИСА ДЛЯ БОЛЬШОЙ СЦЕНЫ

Татьяна Васильева в театре уже не играет

Татьяна Васильева в семье.

Фото Натальи Мегвеговой (НГ-фото)

— Ваша профессиональная жизнь началась на сцене Театра сатиры? Какая роль была первой?

— Комиссар в спектакле «У времени в плену». Этот спектакль был сделан в духе революционной романтики. Для меня это было чуждо и тогда, и сейчас. Я пребывала в каком-то шоке. Не понимала, как я стою, как хожу, что делаю. Я играла эту роль десять лет — и все десять лет ненавидела ее. В ней не было ничего человеческого, ничего женского. Я не только ненавидела ее, я ее боялась и боялась себя в этой роли.

— Но от других ролей в Театре сатиры у вас остались, наверное, более приятные воспоминания?

— Все роли там кажутся мне провальными. И Софья в «Горе от ума» и Принцесса в «Обыкновенном чуде». Помню, как для того, чтобы я изобразила страдание в этом спектакле, меня доводили почти до безумия. Я ходила по коридорам, настраивала, настраивала себя, чтобы на сцене обязательно заплакать. Сейчас мне кажется это смешным, а тогда было очень тяжело. Но, может быть, нужно было пройти через весь этот ад, чтобы потом почувствовать себя на сцене абсолютно уверенной.

— Вы явно относитесь к категории «блуждающих звезд». Проработав в Театре сатиры не один год, вы вдруг ушли из него. Почему?

— Я даже сама не поняла, как это случилось. Формальной причиной послужило то, что я попросила взять в труппу моего мужа, который уже много лет играл в этом театре большие роли, но был на договоре и получал минимальную зарплату. Мне показалось, что это несправедливо. Взять в труппу его наотрез отказались, и тогда я подала заявление. Никто меня не удерживал. Видимо, убеждение, что незаменимых у нас нет, все-таки очень стойко.

— Театр Маяковского. Вы проработали там более десяти лет. Что заставило вас уйти оттуда?

— Видимо, я выгляжу профессиональной скандалисткой. Вообще, в этом есть какая-то закономерность — стоит один раз уйти из театра, и пошло... Правда, из Театра Маяковского я не ушла. Меня оттуда уволили. И спасибо за это.

— Не сложились отношения с Гончаровым?

— У меня с ним прекрасные

такля «Круг», у меня своих ролей не было. В основном я играла какие-то служебные роли, чьих-то мам. И бесконечные вводы. Несколько лет подряд — сплошные замены. Радости это мне не доставляло. Кроме того, я никогда не знала, свободный у меня вечер или нет.

— Сейчас у вас, наверное, масса предложений?

— Меня никто не приглашает. Хотя, наверное, если я попрошусь, меня куда-нибудь возьмут.

— А у вас есть театр, в котором вам бы хотелось работать?

— Нет. Я сложившаяся актриса. И, придя в сложившийся коллектив, я не смогу найти своего места. Вся жизнь — нигде, ни в одном театре — у меня не было своей гриммерной. Психологически это можно сравнить с ощущением, что ты живешь в чужой квартире. Не можешь расставить свои вещи, как хочешь. Несколько раз мне говорили, что какая-то актриса недовольна, что я занимаю ее гриммерную. Может быть, это мелочи, но я больше так не могу. Но я очень тоскую по сцене. Мне кажется, я еще не сыграла своей роли. Есть пьеса, которая даст мне возможность выразить все переполняющие меня чувства, а «Человеческий голос» Кокто. Я уже представляю, какой будет музыка, какое оформление. Есть уже художница по костюмам. Конечно, тут много сложностей. Нужно найти деньги, помещение. Понимаю, что мальи зал не для меня. Я уже привыкла к большим сценам. Я сама такая большая, что в маленьком помещении чувствую себя неуютно. Но думаю, что все трудности смогу преодолеть. Деньги на постановку мне уже предлагают. Главное сейчас — найти режиссера.

— А вы не жалеете, что ушли из театра?

— Ни одной секунды. В последнее время я была страшно загружена. Каждый вечер играла или в одном или в другом театре, да еще снималась одновременно в нескольких фильмах. Еле доползала до постели, смотрела на спящих детей — и все. Я верю в то, что это не случайность. Так должно было произойти. Я сама чувствовала, что начинаю повторяться. Надо забыть все, что было, откаяться от этого. У меня такое чувство, что я очень много накопила за этот год. Просто. Хуже

— А на телевидении вы не снимаетесь?

— Конечно, нет. Ни в кино, ни на телевидении сейчас ничего не снимается. Можно рассчитывать только на случай. Вот случай: с финским режиссером, а незадолго до этого я снялась в Израиле в фильме «Кофе с молоком» — тоже случай.

— Какое у вас впечатление от Израиля?

— Мне очень нравится это место на земле. Особенно Иерусалим. Но мне кажется, что отношения между людьми там иные, чем у нас. Нашим актерам там, по-моему, не может быть хорошо. А уровень театрального искусства у нас, конечно, несравненно выше.

— Какой жанр вы предпочитаете?

— Трагикомедию. В трагедии я всегда ищу комические моменты, а в комедии — грустные. Мой любимый образ — Кабирия. Джульетта Мазина, Анна Маньяни, Фаина Раневская — вот для меня образцы актерского мастерства.

— Как вы считаете, существуют ли амплуа?

— Я думаю, это анахронизм. Разве можно сказать, какое амплуа было у Евстигнеева? Он — гений. Он мог сыграть все. А — актеры, которые могут играть один и тот же образ всю жизнь — можно назвать это амплуа.

— Ваша последняя роль в кино в фильме «Увидеть Париж и умереть» — трагическая. Она, видимо, потребовала от вас полной самоотдачи?

— Этот фильм мне очень дорог. Я действительно просто умирала, особенно после съемки последних сцен. Я переболела физически. Но это так и делается, иначе не стоит и браться за роль. В картине много личного. Переживания моей героини мне очень близки и понятны. Чем взрослее становится мой сын, тем больше я готова для него сделать. Практически нет ничего такого, чего я бы ради него не сделала. Сейчас подрастает дочь, и происходит то же самое.

— Что вас больше всего тревожит в жизни?

— Несправедливость. Когда я вижу, как под моими окнами интеллигентные старушки копаются в помойке, я не могу успокоиться.